

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

СОВЕТСКО-БРИТАНСКОЕ ВОЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

И.Э. Магадеев,
кандидат исторических наук,
МГИМО(У) МИД РФ

Ключевые слова: СССР, Великобритания, Великая Отечественная война, Крайний Север, Арктика, конвои, ленд-лиз, антигитлеровская коалиция.

USSR, United Kingdom, the Great Patriotic war, the Far North, the Arctic convoys, lend-lease, the anti-Hitler coalition

Аннотация. Автор на основе советских и британских архивных и недавно опубликованных документов рассматривает историю военного сотрудничества СССР и Великобритании на Крайнем Севере в годы Второй мировой войны.

The author on the basis of Soviet and British archival and recently published documents examines the history of military cooperation between the USSR and Great Britain in the Far North during the Second World war.

Историографический контекст

Тема взаимодействия союзников в годы Второй мировой войны (антигитлеровской коалиции — в терминах отечественной историографии, «великого союза» — в терминах зарубежной), несмотря на глубокую изученность, продолжает привлекать внимание исследователей.

«Отечественные историки по-прежнему уделяют большое внимание изучению антигитлеровской коалиции, вкладу союзников СССР в общую победу, рассматривая данную пробле-

матику как одно из главных направлений исследований Второй мировой войны»¹, — отмечено в новейшем фундаментальном издании «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Ставшие в последнее время доступными документы (из российских и зарубежных архивов) позволяют по-новому взглянуть на, казалось бы, известные вопросы; уточнить и детализировать отдельные аспекты взаимодействия союзников, оставшиеся до этого в тени.

К таким аспектам до недавнего времени было принято относить «арк-

тический фронт» Второй мировой. Некоторые авторы и поныне пишут о нем, употребляя термины «забытые битвы» и «забытые потери»².

*Взаимодействие союзников
на Крайнем Севере
не сводилось к ленд-лизу*

Необходимо отметить, что появившиеся в 1990–2010-е гг. в России и за рубежом работы, уточняя выводы предыдущих исследований, раскрыли целый ряд новых аспектов в истории военных действий в Арктике, по-новому *высветив* их значение в общей картине глобальной войны. В основном это коснулось проблем ленд-лиза. Удалось полнее (чем ранее) раскрыть механизмы ленд-лизовских поставок; уточнить историю проводки конвоев и сложности, с которыми сталкивалось осуществление этих операций; продемонстрировать роль совместных советско-британских и советско-американских усилий в этом деле³.

Вместе с тем военное взаимодействие союзников на Крайнем Севере не сводилось к ленд-лизу, охватывало более широкий спектр проблем, также требующих своего освещения.

Актуальным в историографии остается вопрос о комплексных исследованиях. Исследователи отмечают, что отсутствие во многих зарубежных работах ссылок на российские источники является их слабой стороной. Одновременно «и наши работы обедняются недоступностью зарубежных источников»⁴.

Данная статья основана на советских и британских документах (как архивных, так и недавно опубликованных). В ней ставится задача выявить и проанализировать основные направления военного взаимодействия

СССР и Великобритании на Крайнем Севере, определить его роль в общем комплексе отношений двух государств в 1941–1945 гг.

«Тень прошлого»

Для понимания специфики союзнического взаимодействия СССР и Великобритании в Арктике в 1941–1945 гг. необходимо учитывать наследие прошлых отношений двух стран в этом регионе.

Москва рассматривала британцев как одних из главных противников в случае ведения военных действий на Крайнем Севере начиная со времен интервенции Антанты на Севере в 1919 г. (в ней британцы приняли активное участие, а тогдашний военный министр У. Черчилль был, по сути, ее главным инициатором) вплоть до советско-финляндской войны 1939–1940 гг. (вмешательство Великобритании в которую не исключалось).

Эта «тень прошлого» иногда неожиданным образом сказывалась и в годы Великой Отечественной войны. И советские, и британские военачальники и флотоводцы прекрасно помнили о временах интервенции Антанты на Севере, более того — ряд британских военно-морских деятелей напрямую в ней участвовали. Однако упоминали об этом (учитывая изменившийся статус отношений) полушутя. Главкомандующий флотом метрополии адмирал Б. Фрезер в годы Гражданской войны помогал белым, был схвачен красными и посажен в тюрьму. Вспоминая эту ситуацию в декабре 1943 г. в разговоре с командующим Северным флотом СССР адмиралом А.Г. Головкин, начальник штаба Фрезера подошел к ситуации с юмором. Британский флотоводец, по его словам, был даже «благодарен» большевикам за прошлое: «Потому что в тюрьме, где сидел

адмирал Фрезер, плохо кормили, и это дало ему возможность излечиться от язвы, которая мучила его»⁵. В целом, союзническое взаимодействие СССР и Великобритании на Крайнем Севере было чем-то новым для двух государств на фоне предыдущей истории отношений.

Ленд-лиз и конвои

Внимание историков к теме поставок по ленд-лизу и проводки конвоев неслучайно: это были самые насущные вопросы в советско-британских отношениях на Крайнем Севере в годы Великой Отечественной войны. Взаимодействие в данном случае стало одним из наиболее ранних и наглядных проявлений того, что два государства являются союзниками.

Уже вскоре после подписания в Москве советско-британского соглашения о совместных действиях в войне против Германии от 12 июля 1941 г. (положило начало антигитлеровской коалиции с участием СССР) на Крайнем Севере стала складываться основа *инфраструктуры* союзнических отношений. Во второй половине июля сначала в Архангельск, а затем и в Мурманск и Полярный прибыли представители британской военной миссии во главе с контр-адмиралом Дж. Майлсом. Показательно, что британцы, ожидавшие нападения Германии на СССР, сформировали миссию еще 12 июня, за 10 дней до начала Великой Отечественной войны. Миссия сыграла важную роль в координации советско-британских усилий по проводке конвоев.

1 августа 1941 г., еще до официального старта ленд-лизовских конвоев, в Архангельск прибыл британский корабль «Эдвенчур» с грузом глубинных бомб и других военных материалов. Советский эсминец «Сокрушитель-

ный» вышел в море для встречи корабля, а затем проводил его при отплытии. Отправка британского корабля во многом была обеспечена настойчивостью генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, находившегося в это время в Лондоне с миссией обеспечить военную помощь от британцев.

В конце августа 1941 г. в рамках операции «Дервиш» (продолжалась с 21 по 31 августа) в СССР прибыл другой ценный груз: самолеты «Харрикейн» и каучук, необходимый для военной промышленности. Отправке «Харрикейнов» в СССР британский премьер-министр Черчилль придавал особое значение, известив по этому вопросу лично И.В. Сталина в послании от 29 августа.

В последующем конвой «Дервиш» был известен как PQ-0, ввиду того что в сентябре 1941 г. с конвоем PQ-1 стартовал *официальный* цикл арктических (северных) конвоев в СССР. (До конца 1942 г. PQ было обозначением кораблей, отправлявшихся в Советский Союз, QR — кораблей, отплывавших обратно; затем соответствующие обозначения изменили на JW и RA.)

*Проводка каждого конвоя
требовала серьезных
совместных усилий советских
и британских представителей
на Крайнем Севере*

Дата отправки конвоя PQ-1 из Исландии⁶ в Архангельск (29 сентября) не была случайной и являлась индикатором того, что советско-британское взаимодействие на Крайнем Севере является частью более широких отношений стран антигитлеровской коалиции. Начавшаяся в этот же день Московская конференция СССР, США

и Великобритании (продолжалась до 1 октября) свидетельствовала о том, что худшие прогнозы по быстрому поражению Советского Союза не реализовались и западные союзники готовы оказывать ему помощь более активно.

Проводка каждого конвоя была делом, требовавшим серьезных совместных усилий советских и британских представителей на Крайнем Севере. Общая работа начиналась еще в период подготовки конвоя к отплытию. Сведения о его составе, дате и времени выхода, предполагаемом маршруте и т.п. Адмиралтейство сообщало британской миссии на Севере, которая в свою очередь передавала их командованию Северного флота СССР.

Отечественные военные историки отмечают:

«Штаб флота приступал к развертыванию сил, выделенных для этой цели. Первой вылетала разведывательная авиация с задачей обеспечить конвой разведанными и гидрометеорологическими сведениями по маршруту его движения... Полученные данные о передвижении сил флота противника, о дислокации его авиации, о состоянии погоды и границе льда на трассе передавались через военную миссию союзников в Полярном английском адмиралтейству, которое на основании этих сведений окончательно определяло маршрут движения конвоев»⁷.

Уже осенью 1941 г. была установлена специальная разграничительная линия для действий флотов двух государств при проводке конвоев (сначала по 18-му, затем по 20-му меридиану восточной долготы). Как вспоминал адмирал Головкин, «путь конвоев был разделен на две операционные зоны. Одна тянулась от Англии через Исландию до острова Медвежий, и конвои в ней обеспечивались исключительно эскортом из английских кораблей; вторая занимала простран-

ство от Медвежьего до Архангельска, и движение конвоев на этом участке прикрывалось английскими кораблями и нашими силами — подводными, воздушными, надводными».

Наиболее сложным для проводки конвоев и советско-британских отношений по данному вопросу стал 1942 г., на который пришелся самый печально известный конвой — PQ-17, из 35 кораблей которого до Архангельска добралось лишь 11. После войны советские военачальники возлагали вину за потери на британцев, выдвигая различные версии.

Нарком ВМФ СССР адмирал Н.Г. Кузнецов писал о чрезмерной осторожности первого морского лорда адмирала Д. Паунда и его страхе перед германским линкором «Тирпиц»⁸.

4 июля, в разгар следования конвоя, Паунд получил сведения о выходе линкора в море и приказал силам прикрытия конвоя отойти на запад, а самим кораблям рассеяться и пытаться пробраться поодиночке, что сделало их легкой жертвой для германских подлодок и авиации.

Адмирал Головкин и глава советской миссии в Великобритании контр-адмирал Н.М. Харламов придерживались иного мнения, полагая, что главнокомандующий флотом метрополии адмирал Дж. Тоби изначально решил пожертвовать конвоем PQ-17, сделав из него «приманку» для «Тирпица», однако несогласованность действий не позволила достичь этой цели⁹.

Периодические перерывы в отправке конвоев британцами (в августе, октябре, ноябре 1942 г., марте — октябре 1943 г., мае — июле 1944 г.) негативно сказывались на двусторонних отношениях. Лондон ссылался на причины стратегического характера: использование тоннажа для подготовки крупных десантных операций на других фронтах войны («Факел» — в

Северной Африке, «Хаски» — в Сицилии, «Оверлорд» — в Нормандии). Москва настаивала на том, что советско-германский фронт — ключевой и необходимо оказание ему материальной поддержки со стороны союзников.

Особенно тяжелой ситуация была осенью 1942 г.: перерыв в конвоях совпал с тяжелейшими боями под Сталинградом; более того — он пришелся на время полярной ночи, служившей естественным «укрытием» для конвоев. В конце сентября 1942 г. в Лондоне посол СССР И.М. Майский использовал все свое красноречие в попытках убедить министра иностранных дел Великобритании А. Идена не прекращать отправку конвоев. Как сообщал министр британскому послу в Москве А. Керру, Майский указывал на то, что «если северные конвои будут приостановлены на два или три месяца, у России не будет других каналов, по которым она может получать поставки. В условиях приближающейся зимы подобная картина для России выглядит ужасно. Вопрос имеет не только материальное, но и моральное значение... Он просил нас выяснить, может ли что-то быть сделано для хотя бы частичного удовлетворения нужд России этой зимой. Армия под Сталинградом сражается превосходно — именно для этой армии он и просит поставок»¹⁰. Октябрьский конвой, однако, так и не был отправлен.

После 1942 г. потерь, сопоставимых с теми, что понес РQ-17, уже не наблюдалось. В условиях коренного перелома в войне в 1943 г., обеспеченного победами Красной Армии на суше (под Сталинградом и Курском) и проявившегося и на военно-морских театрах военных действий (англо-американская победа в «битве за Атлантику»), проводка северных конвоев стала более безопасной, ущерб сократился.

Вопросу ленд-лиза и конвоев, учитывая серьезный объем и значение поставляемых военных товаров, а также роль данного вопроса в общем взаимодействии СССР и Великобритании, уделялось повышенное внимание на самом верхнем уровне отношений — в личной переписке Сталина и Черчилля¹¹.

Сталин придавал серьезное значение поставкам по ленд-лизу, особенно в критические 1941–1942 гг. В октябре 1941 г., специально вызвав к себе адмирала Кузнецова, он отправил его с миссией в Архангельск, так как был не уверен, «все ли там подготовлено для встречи конвоев союзников». Еще одно важное свидетельство — постановление ГКО от 15 октября 1941 г. о назначении специального уполномоченного по перевозкам в Белом море и Архангельском порту. На эту должность был выбран легендарный полярник И.Д. Папанин.

Послания Черчилля в 1942 г. с известиями о перерыве в отправке конвоев наталкивались на максимально жесткую реакцию Сталина. В послании от 23 июля 1942 г. Сталин прозрачно намекнул, что видит в отмене конвоев признаки вероломства и нарушения союзнических отношений:

«Наши военно-морские специалисты считают доводы английских морских специалистов о необходимости прекращения подвоза военных материалов в северные порты СССР несостоятельными. Они убеждены, что при доброй воле и готовности выполнить взятые на себя обязательства подвоз мог бы осуществляться регулярно с большими потерями для немцев»¹².

Даже в период сложной обстановки на других участках советско-германского фронта Сталин стремился учесть пожелания Черчилля по усилению прикрытия конвоев с воздуха силами советской авиации.

21 мая 1942 г. (через день после получения очередного послания из Лондона) директивой Ставки ВГК приказывалось систематически наносить удары по аэродромам противника в Бардуфоссе, Свартнесе, Тромсе, Гаммерфесте с 25 по 29 мая. Командующему авиацией дальнего действия генерал-лейтенанту авиации А.Е. Голованову предписывалось перебазировать 20 самолетов ИЛ-4 в Заполярье. Также были изданы приказы о систематическом разрушении аэродромов в Киркенесе, Вадме, Салмияври и других городах силами авиации Северного флота, Карельского фронта и ПВО в районе Мурманска. Внимание к обеспечению безопасности конвоев было налицо.

Отправка конвоев и участие в военно-морских операциях на Севере позволяли Черчиллю хоть в какой-то мере оправдывать задержку открытия второго фронта

Для Черчилля поставки в СССР были важной частью его общей стратегии. Замыслы британского премьер-министра по осуществлению разного рода «периферийных операций» (преимущественно в традиционной зоне британских интересов — в Средиземноморье) были возможны при одном базовом условии: СССР отвлечет на себя основные силы Германии и выстоит в этой схватке. И Черчилль, несмотря на всю свою репутацию антисоветчика, в деле отправки конвоев иногда даже давил на собственных военных, среди которых были люди, готовые вовсе прекратить их. В июле 1942 г., когда в Лондон поступали сведения о разгроме PQ-17, Черчилль указывал Комитету начальников шта-

бов на необходимость сделать шаг в сторону СССР, особенно учитывая серьезность положения на советско-германском фронте, и не исключал возобновления конвоев в сентябре¹³.

Имелась и еще одна особенность. Фактически конвои и участие в военно-морских операциях на Севере долгое время были одной из редких форм прямой военной помощи, которую Великобритания оказывала СССР. Для Черчилля, который с 1941 г. сталкивался с настойчивыми требованиями Сталина по открытию второго фронта, акцент на конвоях и связанных с ними вопросах был нередко способом продемонстрировать, что Великобритания действительно прилагает усилия по поддержке СССР. Тем самым Черчилль пытался хоть в какой-то мере парировать факт задержки с открытием второго фронта и снизить градус сталинской критики в свой адрес.

К этому добавлялись и факторы личного порядка. Черчилль проявлял повышенную чувствительность к вопросам о британском военном и гражданском персонале на советском Севере, задействованном в деле доставки ленд-лиза¹⁴. Отказ советских органов, подозревавших британцев в ведении разведывательной деятельности, в выдаче виз; требования сократить численность персонала; наказания моряков за проступки — все это крайне раздражало британского премьер-министра. Позицию СССР по этому, казалось бы, не самому важному на общем фоне вопросу он рассматривал как своего рода «лакусную бумажку» отношения к Великобритании в целом и, по всей видимости, к нему лично. Черчилль не скрывал своей радости, когда в октябре 1943 г., в период потепления отношений, советская сторона пошла навстречу британским пожеланиям

о персонале на Севере. Докладывая кабинету о ходе Московской конференции министров иностранных дел «большой тройки», он специально подчеркнул:

«Московская конференция по всем вопросам проходит очень хорошо. Дело выглядит так, что получим удовлетворение касательно обращения с британским персоналом на Севере России»¹⁵.

В целом, советско-британское взаимодействие по вопросам конвоев, несмотря на сложности и противоречия, стало примером достаточно плодотворных совместных усилий по борьбе с общим противником. Значение, придававшееся ему руководством двух государств, объяснялось стратегическими факторами, но могло неожиданно усиливаться и причинами субъективного характера.

Арктика в оперативном и стратегическом взаимодействии СССР и Великобритании

Арктика играла важную роль на уровне оперативного и стратегического взаимодействия и планирования двух государств, не сводившегося исключительно к операциям по проводке конвоев, хотя и нередко связанного с ними.

В годы войны наглядно проявилось общее стратегическое значение северных морских путей для поддержания связи СССР с союзниками, в том числе с Великобританией. В условиях недоступности коммуникаций через Балтийское и Черное моря путь через Северную Атлантику в Баренцево море, в Мурманск и Архангельск оказался наиболее коротким (в среднем около 10–14 суток) по сравнению с другими маршрутами: иранским и тихоокеанским. В мемуарах адмирал Голловко писал:

«Не раз припоминал я слова, сказанные И.В. Сталиным при моем назначении на Северный флот в 1940 г.: в Первую мировую войну связь нашей страны с внешним миром оказывалась более обеспеченной по северному направлению, нежели через Балтику или через Черное море».

Путь через Северную Атлантику в Баренцево море, в Мурманск и Архангельск оказался наиболее коротким

Связь с союзниками не сводилась только к ленд-лизу. Она охватывала широкий спектр иных военно-политических вопросов. Показательно, например, что маршрут Идена в СССР в декабре 1941 г. пролегал именно через Мурманск: в условиях сложной обстановки на фронтах это был наиболее доступный способ добраться до Москвы, куда он направлялся на важные переговоры со Сталиным.

Не только ленд-лизовские товары курсировали вместе с кораблями конвоев.

С конца 1941 г. на них из СССР в рамках реализации сверхсекретного соглашения между НКВД и СОЕ (британским Управлением специальных операций) отправлялись советские разведчики. Они проходили дальнейшую подготовку в Великобритании и затем их забрасывали на территорию оккупированных стран Европы¹⁶.

В августе 1944 г. вместе с очередным конвоем в СССР прибыло и важное пополнение для Северного флота — бывший британский линкор «Роял Соврин», переименованный в «Архангельск» (временно передан британцами в ответ на требования Москвы предоставить часть флота

Италии, вышедшей из войны в сентябре 1943 г.).

Непосредственное военное взаимодействие СССР и Великобритании на Крайнем Севере началось уже тяжелым летом 1941 г. Общий фон для советско-британских отношений в это время был отнюдь не самым лучшим: в Лондоне многие ожидали, что СССР продержится в войне, в лучшем случае, несколько месяцев, не выдержав натиска вермахта и его союзников. Вместе с тем небольшая помощь все же оказывалась, причем делалось это именно на Крайнем Севере.

30 июля британские самолеты осуществили дорого стоившую им бомбардировку оккупированных немцами портов Киркенес и Лиинахамари.

В воспоминаниях адмирала Кузнецова отразились смешанные чувства по поводу этой операции: и благодарность, и ощущение ее недостаточности и запоздалости. Он писал:

«...Эти налеты оказали воздействие на немцев, но, к сожалению, произошли они не «как только Россия подверглась нападению» [слова британского историка Б. Тонстолла. — *И.М.*], а более чем месяц спустя, когда враг на Севере был уже остановлен советскими войсками».

В конце июля — начале августа, заручившись согласием советской военной миссии в Лондоне, британское Адмиралтейство отправило в арктические воды СССР первые символические силы — подлодки «Тигрис» и «Трайидент». Указание об отправке в СССР «небольшой смешанной эскадры британских кораблей в Арктику для установления контакта и совместных действий с русскими военноморскими силами»¹⁷ исходило с самого верха — непосредственно от премьер-министра Черчилля.

Тесное взаимодействие британских подлодок с советскими военно-

морскими силами, сопряженное, среди прочего, с обменом сверхсекретными разведанными, было проявлением (хотя и незначительным по масштабу) совместной борьбы СССР и Великобритании с общим врагом. «Фактически Полярный стал первым настоящим штабом объединенных сил союзников во Второй мировой войне», — считает британский исследователь вопроса¹⁸.

7 сентября в рамках операции «Сила» (в отличие от операции «Дервиш» она менее известна в отечественной историографии) в Мурманск были доставлены не только очередная партия «Харрикейнов», но и британские летчики авиационного крыла № 151 Королевских ВВС. Подразделение было размещено близ поселка Ваенга (ныне — Североморск) и уже через несколько дней после прибытия приступило к выполнению боевых задач. В течение октября британцы постепенно осуществили передачу самолетов в состав ВВС СССР¹⁹.

Безусловно, на фоне масштабных сражений на советско-германском фронте в 1941 г. подобная помощь была незначительной по объему. Однако для британского руководства и лично Черчилля смысл ее оказания заключался не только (а во многом и не столько) в непосредственном военном эффекте, сколько в «моральном значении» — демонстрации того, что Великобритания готова поддержать своего союзника.

Вместе с тем на уровне планирования речь шла и о более масштабных замыслах. Одной из задач британской военной миссии на Севере (по словам ее главы контр-адмирала Майлса) изначально была «координация стратегии русских с нашей».

Адмирал Кузнецов вспоминал, что в июле 1941 г. ему «пришлось два-три раза беседовать по этому поводу

[о помощи со стороны британцев. — *И.М.*] с контр-адмиралом Дж. Майлсом в Москве. Мы даже высказывали предположение о возможности взаимодействия флотов и авиации СССР и Англии на Севере». Однако, когда советская сторона сформулировала конкретное предложение о масштабных совместных операциях, Лондон спасовал.

В послании Черчиллю от 18 июля, в условиях критической обстановки на советско-германском фронте, Сталин впервые поставил перед британским премьером вопрос о втором фронте, причем наряду с Северной Францией в качестве потенциальной зоны его открытия он назвал именно Арктику.

Несмотря на вежливый, но ясный отказ Черчилля поддержать СССР в критической ситуации, Сталин продолжал настаивать.

В послании от 13 сентября он детализировал свой план:

«Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25–30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР для военного сотрудничества с советскими войсками на территории СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции».

Реакция Черчилля последовала 15 сентября в разговоре с послом Майским. Ссылками на нехватку британских войск и транспорта премьер-министр дал понять, что особых шансов на отправку дивизий нет, однако предложил некоторые альтернативные варианты, среди них — совместная советско-британская операция в Норвегии (Сталин упоминал о возможности боевых действий в этой стране в том же послании от 18 июля).

Обсуждение плана подобной операции, получившей кодовое название «Юпитер», было продолжено, и особенно активно в 1942 г.

В целом, «Юпитер» являлся одним из излюбленных «детей» Черчилля. Преувеличивая роль возможного плацдарма в Норвегии (даже собственные военные говорили ему об этом), британский премьер полагал, что его создание там принесет «постоянную пользу для проводки наших конвоев и откроет почти бесконечные возможности для продвижения в южном направлении. Фактически мы могли бы начать сворачивать гитлеровскую карту с самого верха»²⁰.

Предложения Черчилля о совместных советско-британских действиях в Норвегии натолкнулись не только на скепсис британских военачальников: летом 1942 г. советскому руководству было не до отвлечения сил на «периферийные» театры военных действий.

Нарком иностранных дел В.М. Молотов писал послу Майскому 15 июля:

«...Ввиду тяжелого положения на советско-германском фронте, наши войска в настоящее время не имеют возможности осуществлять активные операции в районе Мурманска и Киркенеса»²¹.

Хотя Сталин в августе 1942 г. при личной встрече с Черчиллем в Москве и упоминал о готовности выделить для «Юпитера» две-три дивизии, совместной операции так и не получилось.

«Юпитер», однако, интересовал Черчилля не только ввиду возможностей наступать из Норвегии на юг. Показателен один из разговоров премьер-министра с Майским в декабре 1942 г. в Лондоне:

Черчилль «между прочим воскликнул: «Почему бы вам действительно не бросить для Юпитера пять-шесть дивизий? Наступление здесь в течение зимы имеет гораздо более важное значение, чем где-либо на центральном фронте». Черчилль прибавил, что если бы операция Юпитера состоялась, то

это означало бы прекращение на время ее реализации северных конвоев»²².

«Юпитер» для Черчилля во многом был заменой других операций, которые рассматривались как более затратные и невыгодные для Великобритании. Причем речь шла не только об оправдании перерывов в отправке конвоев, но и о втором фронте. В сентябре 1942 г. премьер убеждал своих военных в том, что «если «Юпитер», как и «Факел», будут иметь место, то «Облавы» [кодовое обозначение операции по высадке на Севере Франции в 1943 г. — *И.М.*] не может быть до 1944 г.».

Иные примеры конкретного военного взаимодействия двух государств на Крайнем Севере были тесно связаны с проводкой конвоев. Важной вехой в этом отношении стал декабрь 1943 г., когда удалось потопить германский линкор «Шарнгорст» (линкор «Тирпиц» был поврежден британскими подлодками еще в сентябре 1943 г.).

Хотя результат был достигнут прежде всего британскими силами, советские военные оказали посильную помощь. В операции против «Шарнгорста» участвовали две советские подводные лодки, после боя британской эскадре было предоставлено топливо на обратный путь.

Показательно, что и другой крупный успех — налет на «Тирпиц» в сентябре 1944 г. — также стал плодом совместных усилий. Британской авиации были предоставлены в пользование советские базы и средства, оказывалась помощь радиосвязью, советские парашютисты даже помогли спастись одному из британских экипажей, совершивших вынужденную посадку. По результатам бомбардировки «Тирпица» британский министр ВВС А. Синклер говорил о том, что «Советские Военно-Морские и Воз-

душные Силы не оставили ничего невыполненным из того, что они могли сделать, чтобы оказать помощь»²³.

Активные действия британцев против «Тирпица» могли в определенной степени развеять и давние подозрения Сталина, полагавшего, что Великобритания сознательно не уничтожает германский корабль. Во время встречи с Иденом в октябре 1943 г. в Москве Сталин заметил:

«Если бы у него был такой же сильный флот и авиация, как и у Великобритании, то он вызвал, спровоцировал бы «Тирпица» при помощи флота и авиации и загубил бы его... англичане хотят получить «Тирпиц» невредимым и поэтому не наносят ему ущерба»²⁴.

В итоге германский линкор, чье присутствие оказывало серьезное влияние на оперативную обстановку на Крайнем Севере, был потоплен британцами 12 ноября 1944 г.

Военное взаимодействие СССР и Великобритании было своего рода «микрокосмом» в более широком комплексе отношений двух государств. Плотное советско-британское сотрудничество не отменяло сохранявшейся настороженности по отношению к союзнику, противоречий по ряду вопросов.

Недавно рассекреченные документы НКГБ свидетельствуют, например, что тесные контакты с британской военной миссией на Севере сопровождались пристальным вниманием к ней как к разведывательному органу иностранного государства. В подробном обзоре УНКГБ по Мурманской области за период с сентября 1941 г. по сентябрь 1944 г. отмечалось:

«Уже первые результаты наблюдения за представителями союзников в Мурманске давали все основания полагать, что в новых условиях союзных отношений органам НКГБ придет-

ся иметь дело с широко задуманной разведывательной работой Англии и США».

Обращалось внимание на обширный штат британской военной миссии, укомплектованность ее профессиональными разведчиками, владеющими русским языком, активную работу среди советских граждан, которая велась, по мнению УНКГБ, для «создания массовой базы для подрывной работы внутри нашего государства»²⁵.

Даже при проведении успешных совместных операций подчас оставался неприятный осадок. Так, после потопления «Шарнгорста» британское морское командование во главе с адмиралом Фрезером не спешило делиться подробностями с советскими коллегами. Адмирал Головкин без досады записал в своем дневнике 28 декабря 1943 г.:

«Подробности потопления «Шарнгорста» будут уточняться, вне сомнений, уже в Британском адмиралтействе. Нам больше ничего не рассказывают, хотя адмиралу Фрезеру и его штабу должно быть понятно, что нас очень интересует информация, полученная от выуженных из воды гитлеровцев... Ничего, будем обходиться своими данными».

В целом военное взаимодействие СССР и Великобритании на Крайнем Севере, основным содержанием которого стали совместные усилия по проводке конвоев и связанные с ними военные операции, принесло

свои плоды. Отражая общие тенденции в развитии советско-британских отношений в годы Великой Отечественной войны, оно не было лишено противоречий, которые, однако, нередко удавалось преодолевать в целях борьбы с общим противником. Характерной чертой советско-британского взаимодействия в Арктике на протяжении всей войны оставался тот факт, что сотрудничество двух государств в этом регионе было тесным и непосредственным, являлось зримым проявлением союзнических отношений.

Ценный опыт военного сотрудничества двух государств во время Великой Отечественной войны не забыт и сегодня. В Мурманске и Санкт-Петербурге существуют памятники морякам, принимавшим участие в проводке северных конвоев. Открытие обоих было приурочено к годовщине прибытия конвоя PQ-0 («Дервиш») и состоялось соответственно в августе 1991 г. и августе 2014 г. Память о союзнических отношениях в годы войны продолжает объединять и ветеранов России, Великобритании и других стран Британского Содружества. Одним из немаловажных поводов для их встреч в последнее время стало вручение ветеранам из стран Британского Содружества дипломатическими органами России за рубежом медали Ушакова (учреждена в 1944 г.) «за мужество и отвагу, проявленные в годы Второй мировой войны при участии в северных конвоях».

¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции / Ред. комиссия: А.О. Чубарьян, М.Ю. Мягков и др. М., 2014. С. 13.

² Walling M.G. *Forgotten Sacrifice: the Arctic Convoys of World War II*. N.Y., 2012.

³ Среди недавних отечественных работ можно выделить: Супрун М.Н. Ленд-лиз и Россия. Архангельск, 2006; Краснов В.Н.,

Краснов И.В. Ленд-лиз для СССР, 1941–1945. М., 2008; Соколов В.В. Ленд-лиз в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 3–17; Комарков А.Ю. Военно-морской ленд-лиз для СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.

⁴ Аруева Д.А. Ленд-лиз и северные конвои // Защитники отечества. Материалы XVII региональных общественно-научных чтений

по военно-исторической тематике. Архангельск, 2005. С. 146–157.

⁵ Головки А.Г. Вместе с флотом. М., 1984. С. 198.

⁶ В мае 1940 г., после оккупации Германией Дании (Королевство Исландия находилось с ней в личной унии) и на фоне опасений германского вторжения в Исландию, британские войска были высажены на остров. До сентября 1942 г. Исландия наряду с Великобританией служила одной из главных зон формирования и отправки конвоев в СССР.

⁷ Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия российского флота. Т. 4. 1941–1945. СПб., 2005. С. 366.

⁸ Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М., 2000. С. 246.

⁹ Головки А.Г. Указ. соч. С. 120–121; Харламов Н.М. Трудная миссия. М., 1983. С. 131–134.

¹⁰ Eden to Kerr, 25th September 1942 // The National Archives of Great Britain (далее — TNA), Premier Office (далее — PREM) 3/393/14.

¹¹ См. подробнее: Печатнов В.О. Переписка У. Черчилля с И.В. Сталиным в годы Великой Отечественной Войны: По документам британских архивов // Международная жизнь. 2010. № 7. С. 105–132.

¹² Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1957. С. 54.

¹³ Churchill to Ismay for C.O.S. Committee, July 1942 // TNA, PREM 3/393/3.

¹⁴ См. подробнее: Евдокимова А.В. Английский персонал в СССР в годы Второй

мировой войны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 67. С. 95–101.

¹⁵ W.M. (43) 145th Conclusions, 25th October, 1943 // TNA, Cabinet Office 65/36/13.

¹⁶ См. подробнее: O'Sullivan D. Dealing with the Devil: The Anglo-Soviet Parachute Agents (Operation 'Pickaxe') // Journal of Intelligence History. 2004. Vol. 4. No. 2. P. 33–65.

¹⁷ Цит. по: Roskill S. Churchill and the Admirals. 2nd ed. Barnsley, 2004. P. 129.

¹⁸ Браун Д. Действия британских подводных лодок с баз Кольского полуострова в 1941–1942 гг. // Северные конвои: Исследования. Воспоминания. Документы / Сост. М.Н. Супрун. Вып. 3. Архангельск, 2000. С. 36.

¹⁹ Bishop E. Hurricane. Washington, 1990. P. 76.

²⁰ The Churchill Documents / Ed. by M. Gilbert. Vol. 17. Testing Times, 1942. Hillsdale, 2014. P. 782.

²¹ Документы внешней политики СССР. 1942. Т. 25. Кн. 2. Тула, 2010. С. 54.

²² Из Лондона, 11.XII.1942 // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 059. Оп. 1. П. 372. Д. 2352. Л. 186–187.

²³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 2. М., 1983. С. 178.

²⁴ Запись беседы тов. И.В. Сталина с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом, 21.X.1943 // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 281. Л. 4.

²⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 5. Кн. 2. М., 2007. С. 383–396.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ: XX ВЕК

Баев В.Г., Марченко А.Н. **Государственный строй нацистской Германии.** М., 2015.

В монографии впервые рассмотрен юридический аспект эволюции Веймарской Германии в нацистское государство путем изменения основ государственного строя. Исследованы политико-правовые и экономико-правовые аспекты превращения демократической республики в тоталитарный режим. Авторы доказывают, что изменение государственного строя Германии осуществлялось через «параллельное включение» в конституционную систему Веймарской республики гитлеровского антиконституционного законодательства, благодаря чему национал-социалистское правительство, не отменяя «де-юре» Веймарскую конституцию, выхолостило ее содержание и фактически упразднило закрепленные ею права и свободы, создав новое государственное (нацистское) право.